

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.4.4>

UDC 94(47)046-048

LBC 63.3(2)46

Submitted: 15.03.2016

Accepted: 08.06.2016

“GREEK” SECULAR MIGRATION TO RUSSIA: PRIORITIES AND REGULATION (END OF 16TH – FIRST HALF OF 17TH CENTURIES)¹

Tatyana A. Oparina

Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article investigates the problem of the attitude of the Russian authorities to the “Greek” migration. The author tracks the general and specific features of the Orthodox Christians’ migration from the Ottoman Empire and from its vassal states. It was revealed that the “Greeks”, like other foreigners, were willingly turned to the Russian citizenship. However, in peacetime the need for foreigners sharply decreased. The admission of military and other experts to Russia who provoked doubts concerning their allegiance was banned. These prohibitions referred mainly to the immigrants from the Polish–Lithuanian Commonwealth, not the “Greeks”. The authorities had always been ready to engage the “Greeks” in the service. The precedent effort of the migration of Greek jeweler Alexander Dmitriev changed the situation for a short period. All the “Greeks” were allowed to cross the border without coordination with Moscow departments (Diplomatic or Internal Affairs). But then the master asked a too large sum for his services. The authorities were extremely disappointed and refused to employ him in the Royal workshops. This was the only example during the first half of the 17th century when a “Greek” was rejected from the Russian citizenship. However, the incident of Alexander Dmitriev had not changed the authorities’ politics, he became the reason for moving back to the old rules of coordination before allowing the “Greeks” to cross the Russian border. Besides, it was forbidden to hire foreigners, including the “Greeks”, who had violated the oath and fled from Russia. After that they had no chance to return.

Key words: contacts, migration, Greek immigrants, borders, legislation, Russian citizenship, oath.

УДК 94(47)046-048

ББК 63.3(2)46

Дата поступления статьи: 15.03.2016

Дата принятия статьи: 08.06.2016

«ГРЕЧЕСКАЯ» СВЕТСКАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЮ: ПРИОРИТЕТЫ И РЕГЛАМЕНТАЦИЯ (КОНЕЦ XVI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII в.)¹

Татьяна Анатольевна Опарина

Российская академия живописи, ваяния и зодчества, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется проблема отношения русских властей к «греческой» миграции. В ней прослежены общие и частные особенности переселения православных из Османской империи и ее вассальных государств. Выяснено, что «грекам», как и другим иностранцам, охотно давалось русское подданство. Однако в мирное время необходимость в иностранцах резко снижалась. Появлялись запреты на пропуск в Россию военных и других специалистов, вызывающих сомнения в своей благонадежности. Эти запреты относились в основном к выходцам из Речи Посполитой и на «греков» не распространялись. Власти всегда были готовы принять «греков» на службу. Прецедент попытки миграции греческого ювелира Александра Дмитриева на короткий период изменил ситуацию. Всем «грекам» позволили пересекать границу без согласования с московскими приказами (Посольским или Разрядным). Но приехавший в Россию мастер запросил

© Опарина Т.А., 2016

слишком крупную сумму за свои услуги. Власти были крайне разочарованы и отказали ему в найме в царские мастерские. Это был единственный пример за первую половину XVII в. отказа «греку» в русском подданстве. Казус Александра Дмитриева все же не поменял позиции властей, однако вернул прежние правила согласования для пропуска «греков» через русскую границу. Кроме того, запрещалось принимать на службу иностранцев, в том числе и «греков», нарушивших присягу и бежавших из России. Вернуться в Россию они уже не имели возможности.

Ключевые слова: контакты, миграция, греческие иммигранты, границы, законодательство, русское подданство, присяга.

Закрытость границ Российского государства в XVI и XVII вв. не исключала, напротив, предполагала постоянный приток иностранцев. На протяжении XVI–XVII вв. существовала достаточно интенсивная добровольная миграция. Границы России постоянно пересекали уроженцы различных стран (в терминологии приказного делопроизводства «выезжали на государево имя») [8; 9; 18].

В Москве выходцев разграничивали по принципу подданства, а затем – конфессии. Этническая принадлежность иммигрантов была крайне разнообразной, можно говорить, что в России были представлены этносы едва ли не всех государств Европы и Малой Азии. Русские чиновники все это многообразие распределяли по трем основным группам: из Западной Европы, Речи Посполитой и Османской империи. Последняя группа заметно уступала двум первым по количеству выходцев.

Самая малочисленная группа из Османской империи и ее вассальных государств, тем не менее, была самой яркой. В приказном делопроизводстве к таким выходцам применялось несколько терминов, несших конфессиональные разграничения. Сторонники ислама характеризовались термином «турчентя» (под которыми могли подразумевать и албанцев). Иммиграция «турчан» была крайне незначительной, давая лишь единичные примеры.

В России практически все иммигранты идентифицировали себя с православной общиной (милетом) Османской империи (обозначавшейся для греков «румами» (ромеями)). Иммигранты-христиане (или изначально христиане), находившиеся под мусульманским управлением, объединялись в одну категорию, которая именовалась «греченя, сербеня, волошеня». Термин «греческий» мыслился конфессиональной характеристикой. «Грек» обозначал православного из Османской империи, если и обращенного в ислам, то в недавнем

прошлом. Длительное пребывание в исламе в понимании русских властей означало переход в категорию «турченина», поэтому под «гречанами» подразумевались греки, арабы-христиане, а также славяне. Обозначения славян сходным образом не несли жесткого этнического наполнения: «общим наименованием “сербов” характеризовались все славяне и часть “греков”» [5, с. 542, 576]. «Волошане» означали представителей Дунайских княжеств и Трансильвании.

«Греческая» миграция известна в первую очередь в плане изучения церковных и просветительских контактов [29, с. 459], хотя, безусловно, как и прочие, включала полный спектр профессиональных страт [4; 12; 27; 28]. Со второй половины XVI в. она приобрела постоянный характер и приостанавливалась лишь в периоды острых политических конфликтов. Регулярные выезды прервала гражданская война эпохи Смуты. Восстановление русской государственности и утверждение династии Романовых породило новый приток выходцев. В рассматриваемый период в Россию из Османской империи и ее вассальных государств переселилось более 200 человек.

Власти всячески поддерживали миграцию [1; 3; 4; 6; 10; 27; 28]. Прослеживаются несколько мотивов в выборе такой стратегии русским правительством. В формировании подобных приоритетов, очевидно, существенную роль сыграло несколько факторов.

Политика исходила из прагматизма [13]. Страна нуждалась в военных, инженерах, переводчиках, врачах, и правительство способствовало привлечению иностранцев на русскую службу. Иностранцы попадали в Аптекарский, Пушкарский приказ, дворцовые мастерские (палаты Золотого и Серебряного дела, а также Оружейную палату). Но в этих приказах «греческих» выходцев почти не оказывалось. К середине XVII в.

в России находились лишь один «греческий» врач – Дмитрий Селунский и иконописец Оружейной палаты Апостол Юрьев [14; 26].

Наиболее распространенным способом применения опыта «греков» в России была военная служба. Не попавшие в русское привилегированное сословие выходцы направлялись в Иноземский приказ. Следует помнить, что в это военное ведомство попадали не только наемники иных стран, но и все иммигранты, не имевшие рекомендательных и свидетельствованных грамот, и, как следствие, не записанные в боярские списки или узкопрофессиональные приказы. Ярким примером зачисления в Иноземский приказ крайне далекого от военной службы человека является судьба в России православного еврея Аврама Селунского (в крещении Ивана) [11].

Количество иммигрантов резко увеличилось в преддверии Смоленской войны. В этот период в России активно шла военная реформа. «Полки нового строя», находящиеся в ведении Иноземского приказа, переформировывались и стремительно увеличивались. В 1630 г. было выделено специальное подразделение для бывших подданных Османской империи и ее вассальных государств – «греческая рота» [19]. Возглавил роту Николай Мустофин, чуть позже – Николай Шабанов (судя по патронимам «Мустафа» и «Шабан» они оба имели на родине мусульманские имена), а затем – Федор Сулейманов, которого сменил Юрий Трапезундский, а позже – Николай Кралев. «Греческая рота» просуществовала до середины XVII века.

Важным для властей оказывался сословный фактор. Присутствие дворян-чужестранцев повышало престиж державы. Вокруг царского двора собирались потомки родовитых фамилий. В русское привилегированное сословие вливались представители знати (или выдаваемой за таковую) бывшей Византийской империи. Им отдавалось предпочтение по сравнению с русскими дворянами (из уездного дворянства или непривилегированных сословий). Миграция породила появление новых дворянских родов [7]. Положение «греков» в России существенно отличалось от других групп иммигрантов. Только они обладали возможностью заручиться рекомендательными грамотами патриархов Христианского Востока, что

обеспечивало им преимущества при зачислении в Государев двор.

Главное, приоритеты русского правительства базировались на представлениях о Москве как о Третьем Риме, составной частью которых были идеи о Москве как о Втором Константинополе. Московский царь мыслился главой православного мира. Его священной задачей являлась защита единоверцев всех стран. Но если жители земель бывшей Киевской Руси после заключения Брестской унии (1596) виделись изменниками православию, то жители земель бывшей Византии, напротив, – страдальцами за веру предков.

Подобные воззрения приводили к почти полному отсутствию ограничений «греческой» миграции. В отличие от других групп (из Западной Европы и Речи Посполитой), подавляющее большинство «греков» удостаивалось русского подданства. Практически все приехавшие из Османской империи и ее вассальных государств принимались русской стороной.

Но были и редкие исключения. После поражений в Смоленской войне (1632–1634), в период военного затишья русское правительство стремилось поставить под контроль миграционные процессы и ограничить приток иностранцев на русскую службу. Новой войны не планировалось, важнее было восстановление страны после понесенных потерь. В мирное время основной военной задачей оставалась охрана южных границ, но для «тульской службы» не требовалось больших воинских формирований. Правительство распускало нанятые перед Смоленской войной иностранные полки, настаивало на отъезде из России высокооплачиваемых западноевропейских наемников [13].

Как результат, появлялись царские указы, запрещающие воеводам приграничных городов принимать определенные категории иммигрантов. Они касались лиц, уже бывавших в России, а затем уехавших; а также мигрантов низкого социального статуса. Эти группы не вызывали доверия властей, и им отказывалось в русском подданстве.

Ограничительные нормы распространялись на выходцев из Речи Посполитой, значительно реже – из Западной Европы. Существовали специальные указы, оговаривавшие принятие в Россию лишь шляхты, причем «име-

нитой», а также запреты пропуска неродовитых выходцев. Например, в 1632 г. пограничным воеводам предписывалось: «Будет приедет литва или поляки обышние люди и их похолики. И на заставах их обышных людей, принимать не велено. А велено от застав прочь отсылать. И велено принимать, которой шляхта скажетца от радной имянитой человек и за собою скажет всти многие или государские великие дъла» [22, л. 248]; в 1635 г. указы повторялись: «А которые литовские люди шляхтичи добрые белорусцы, и мастеровые, и пашенные семьянистые и прожиточные люди из Литовские стороны приедут на государево имя на вечную службу, и тех в нашу сторону приимати велено. А пахолков и худых людей и, которые преж сево бывали в нашем Московском государстве, и по государеву указу отпущены в Литву, и тех в нашу сторону приимати не велено. А велено им отказывати, что по милости Божией царское величество со окрестными государствы в миру. И без службы им в Московском государстве быти нечево для. А которые были наперед сево в Московском государстве, и по челобитью отпущены в Литву, и тех ныне в Московское государство приимати не пригоже, потому что они отпущены в Литовскую сторону по их челобитью» [20, л. 27–28; 23, л. 15]. Об указах 1635 г. воеводы вспоминали и в 1639 г.: «Которые выходцы из Литовские стороны приедут в Путивль на царское имя на вечную службу сенатарские дети или шляхтичи знатные и семьянистые прожиточные или мещане, пашенные люди семьянистые ж и прожиточные от изгону папежен, и тех выходцов велено приимати, и писати о тех выезжих к государю к Москве» [21, л. 44].

По отношению к выходцам из Османской империи и ее вассальных государств до определенного момента никаких ограничений не вводилось. Требовалось лишь выполнять установленные правила приема иммигрантов. Речь шла о согласовании с центральными приказами пропуска через границу. Нормы подразумевали расспрос в съезжей избе пограничного города о биографии и социальном статусе иностранца, подготовке на основе расспроса воеводской отписки в Москву в Посольский или же Разрядный приказы. После получения разрешения иммигрантов направ-

ляли в столицу: «И выходцом велено быть в Путивле до государева указа».

Единственное, в памятях из Москвы настойчиво предписывалось подробно расспрашивать иммигрантов о событиях в их странах. Нормы «выезда на государево имя» предполагали получение от иммигрантов полически важной информации – «вестей». Так, в инструкции путивльским воеводам из Разрядного приказа от 11 октября 1635 г. предлагался следующий опросник: «А которые полские или литовские люди и гречане и турчене или иные, какие люди приедут в Путивль на государево имя на вечную службу, и воеводе гречан и турчан роспрашивать: крымской царевич и крымские люли ныне на нашу украину приходили ли по турецкого веленью? или крымской царевич и крымские и нагайские люди приходили собою, а не по турецкому веленью?.. будут ли крымские приходить?.. идут ли к Азову каторги?.. люди турецкого салтана или визиря или паши – конные и на каторге воюют ли с Кизылбашами или иные государства?.. есть ли войны турок и поляками?.. есть ли послы крымские, нагайские, турецкие у польского короля?» [20, л. 14]. Таким образом, получение от иммигрантов «вестей» являлось необходимым условием оформления их документации о «выезде».

Ответы из Москвы в отношении выходцев из Османской империи и ее вассальных государств всегда были положительными. В столицу дозволялось пропустить всех приехавших. Однако один случай заставил власти задуматься о необходимости регламентации и «греческой» миграции.

Осенью 1639 г. в приграничном Путивле появилось несколько человек: «В нынешнем во 148-м году в сентябре и октябре месяцев в розных числах пришли пеши ис Турской земли в Путивль на государево имя гречене» [21, л. 43].

Внимание воеводы Г.Г. Пушкина привлекла одна группа, состоявшая из четырех человек. Главной фигурой в ней был Александр Дмитриев, поведавший историю своей судьбы. Он сообщил, что происходил из Константинополя. Его род сумел сохранить православие, войдя в сословие ремесленников. Александр Дмитриев говорил, что принадлежал к потомственной династии ювелиров, зо-

лотых дел мастеров. Отец, братья и он сам занимались изготовлением драгоценной утвари. Себя же Александр Дмитриев рекомендовал как лучшего мастера канительного дела при дворе султана: «Олександро Дмитриев сказал, что отец иво Дмитриеи был греченин служивой человек, служил турецкому царю искормовых денег. А шло же отцу иво на корм по 8 алтын на день. А братья иво родные в Царе-городе делают серебряное дело. А он Олександро делал на турецко царя волоченое золото и серебро и саадаки. А был у турецко царя первой мастер. А шло же ему от турецко царя корму по 2 гривны да за рукоделье по 3 ефимка на день» [21, л. 57]; «А приехали де он Олександро на государево имя на вечную службу для тово, что де он на турецко царя делывал волоченное золото и серебро. И был первый мастер волоченному золоту и серебру, и страчивал де на турецко царя саадаки турецкие и иные многие дела волоченым золотом и серебром» [21, л. 46].

По рассказам ремесленника, его благополучие закончилось ответственным поручением. Султан Мурад IV захотел использовать искусного вышивальщика для украшения мусульманской святыни. Благочестивый правитель решил поновить убранство мечети пророка Мухаммеда в Медине. Он стремился создать небывалый по красоте драгоценный золотный покров на гробницу основателя ислама. Высокая честь выпала православному мастеру: «И хотел де ево турецкой царь послать в Орапскую земля для тово, чтобы он во Орапской земле зделал над Магметовым гробом покров волоченым золотом и серебром» [21, л. 46]; «И тому де ныне 8 месяцев, хотел иво турецкой царь послати во Арапскую землю делать над Бахметевым гробом покров волоченым золотом и серебром» [21, л. 57–58].

Справедливо полагая, что столь сакрализованная работа потребует перехода в ислам, Александр Дмитриев постарался уклониться от задания. Не имея возможности перечить воле султана и публично отказаться, он бежал. Александр Дмитриев покинул двор султана: «И он не хотя ити во Орапскую землю, от турецко царя ушол» [21, л. 58].

Мастер нашел приют у православного греческого купца Андрея Афанасьева: «И ве-

дая де он Олександро то, что быти ему во Орапской земле обосурманену неволею, и он де не хотя быти в босурманской вере, и побегал от турецко царя к греченину Ондронью» [21, л. 47].

Андрей Афанасьев, наиболее вероятно, принадлежал к числу фанариотов. Его отец входил в штат дворцовых служащих султана, брат обосновался в Дунайских княжествах, а он сам избрал безопасный для сохранения православия и финансово выгодный торговый промысел. По словам купца, он был вовлечен в число приближенных константинопольского патриарха (Кирилла Лукариса?): «Ондреи Офонасьев сказал, что отец иво Офонасеи был у турецко царя кречетник. А корму шло отцу иво по 4 алтына на день. А брат иво родной служит в Волохах. А он де Ондреи служил у Царе-градсково патриарха во дворце» [21, л. 60]. Надо полагать, что купец был известным человеком в христианской общине Константинополя.

Обладая средствами и столь обширными связями, купец предложил Александру Дмитриеву план спасения. Безусловно, мастер не мог более оставаться на родине. Ему необходимо было покинуть Османскую империю. Выход был найден в поступлении на службу к христианским правителям. Заговорщики рассчитывали, что навыки ремесленника могут быть востребованы в других странах. Но для этого потребовались инструменты, которых лишился Александр Дмитриев. Они остались в мастерской султана. Нужны были клещи, которыми вытягивали тончайшие нити из расплавленного драгоценного металла, а также приспособления для расплющивания нитей и свивания их в спираль. Долгая и сложная работа предполагала не только навыки, но и оборудование. Купец готов был финансировать его создание.

Укрывшись в доме купца, мастер и купец за три месяца изготовили инструменты для волочения металлических нитей: «И жил в Царе-городе у греченина у Ондрея Офонасьева, утоясь, три месяца. И тот де греченин Ондреи велел ему зделать снасти укладные, чем ему делать волоченное золото и серебро» [21, л. 57]; «Как де тот Олександро побегал к нему Ондронью во двор, и он де в те поры схороня ево у себе во дворе тайно, и по-

делал ему всякую снасть железную своими деньгами, чтобы де ему Ондрыню тово золотного и серебряного мастера привести к государю к Москве со всею снастью, чем ему у государя на Москве золото и серебро делать и скаадаки страчить» [21, л. 57–58].

Кроме того, купец предусмотрительно купил роскошные товары для продажи в Москве: «Да Ондреи же сказал что он привез с собою на продажу 2 чепрака, 8 платей золотных да бархат золотной» [21, л. 58].

Располагая столь ценными предметами, заговорщикам пришлось нанять охрану из двух человек: «Да Ондреи же Офонасьев сказал: пришло с ним людеи иво два человека. И один человек иво Юшко пришло с ним к Москве, а другово человека своего Юшку ж оставил в Путивле у лошадеи» [21, л. 62–63].

Предполагая ведение переговоров, беглецы заблаговременно взяли с собой устного переводчика Ивана Юрьева. Грек из Адрианополя знал славянские языки и, кроме того, имел навык общения с русскими властями. Очевидно, он неоднократно бывал в Москве, сопровождая греческих купцов: «Иван Юрьев сказался из турецкого города из Одранополя, а перед сево он в Московском государстве бывал з греки. А ныне де он пришло в Московское государство с Александром Дмитриевым для толмачества, потому что он по-русски говорить умеет» [21, л. 63].

Подготовившись, греки пустились в дорогу: «И как де те снасти зделали, и он Александр пошел в Московское государство. Да и греченин Ондреи Офонасьев с ним пошел для того, что он Ондреи снасти делал своими деньгами. Да с ними же пошли толмач Иван Юрьев да Ондреев человек Юшко» [21, л. 59]. Вероятно, путь уже был знаком купцу. Греки смогли тайно выехать из Константинополя, а затем добраться до границ Османской империи. В Дунайских княжествах они рассчитывали на помощь родственников Андрея Афанасьева. Из Ясс путешественники вступили на территорию Речи Посполитой, где, возможно, вели какие-то переговоры с польскими магнатами о найме.

Но, мотивируя стремлением служить только православному монарху, купец и мастер отправились по направлению к Москве. В Путивле они рассказали воеводе Г.Г. Пуш-

кину о намерении Александра Дмитриева остаться в России: «А пошел де он Олександр в Московское государство для того, будет государь укажет, велит ему волоченное золото и серебро делать на себя государя» [21, л. 59]. Все остальные участники поездки планировали вернуться на родину. Политическими сведениями никто из них не располагал (или не захотел делиться): «А вестеи оне гречене подъячому никаких не сказали» [21, л. 58]. Вскоре из Москвы было получено согласие на отправку всей группы в столицу: «А будет де они в Московское государство приехали служить на вечную службу, и Олександра Дмитриева с товарищи велено отпустить к Москве на их лошадах, а у которых лошадеи нет, и тем б дать подводы невеликие» [21, л. 56].

Власти проявили крайнюю заинтересованность в столь высококвалифицированном специалисте. Мастера канительного дела, владеющие сложной техникой рельефного золотного шитья, высоко ценились в Москве. Особое внимание уделялось турецким и персидским предметам. Османские вышивальщики славилась своим умением. Произведения прикладного восточного искусства служили образцом для русских мастеров. Таким изделиям старались подражать. Ориентализация была свойственна царскому церемониалу того времени. Орнаменты, содержащие символические и геральдические узоры, являлись обязательными элементами репрезентации царской власти. Конская упряжь, саадаки, о которых говорил Александр Дмитриев, использовались для торжественных процессий государя. Подобное убранство поступало из Османской империи. Его привозили греческие купцы, дарили дипломаты. Возможность получить опытного мастера, способного выполнить золотные ткани и предметы в Москве, была заманчивой.

Очевидно, власти предполагали включить Александра Дмитриева в штат Царских мастерских палат. Он мог перейти из султанской мастерской в царскую. Зачисление облегчало и православное вероисповедание османского ремесленника.

Убедившись в согласии властей, Александр Дмитриев озвучил финансовую сторону принятия русского подданства. Он перечислил все расходы. Во-первых, требова-

лось погасить задолженность перед купцом Андреем Афанасьевым. Затраты на изготовленные специально для Москвы инструменты греки оценивали в колоссальную сумму: «А стали де ему Андрею те снасти в 250 рублей» [21, л. 58].

Во-вторых, Александр Дмитриев оговорил правила своей работы в Москве. Он сообщил о необходимости создания артели. Грек предполагал нанять и обучить большую группу людей: «Да Олександро ж сказал, будет государь укажет ему делать волоченное золото и серебро, и к тому делу надобно людей 25 человек, да на завод денег 200 рублей» [21, л. 60]. В-третьих, мастер напомнил, сколько стоил его труд у султана: «А шло же ему от турсово царя корму по 2 гривны, да за рукоделье по 3 ефимка на день» [21, л. 57].

Условием пребывания Александра Дмитриева при царском дворе была оплата всех перечисленных сумм. В противном случае он собирался уехать в Речь Посполитую: «И пожалует государь, велит за те снасти, что зделал ему греченин Ондреи Афонасьев, заплатит, дать деньги, и всякой завод, чем делать волоченное золото и серебро, и он Олександро останетца на государево имя на вечную службу. А будет де только государь не велит ему за те снасти деньги заплатить и за завод всякой, чем делать золото и серебро, и он де Олександро пойдет в Литовскую сторону» [21, л. 59]. Создается ощущение, что в умах прибывших греков существовали представления о сказочных богатствах московских правителей и неистощимом хранилище их драгоценностей.

Озвученные расчеты потрясли русских чиновников. В штате Царских мастеровых палат постоянно находились иностранные мастера канительного дела: французские и немецкие [2; 17; 25]. Видимо, они оказывались более экономичными для государевой казны, чем приезжие греки. Кроме того, неприятное впечатление должны были призвести ссылки на приглашения в Речь Посполитую, куда по рассмотрению вопроса власти и порекомендовали удалиться грекам. Несостоявшемуся иммигранту было отказано в подданстве. Алесандру Дмитриеву ответили: «В нашем государстве волоченное золото и серебро знают многие мастеровые» [21, л. 69 об.].

В своей челобитной грек высказал разочарование: «Приехал я иноземец к государю к Москве для золотово и серебряново дела. Чаел я иноземец, что у государя таких мастеров нет. И мне иноземцу отказывают, что такие мастера здесь у государя есть. И велено мне ехать в свою землю» [21, л. 75]. Александр Дмитриев просил хоть как-то компенсировать его потери в ходе далекого и опасного путешествия: «А как я иноземец, подымался к государю ехать к Москве, и делал я в своей земле для золотова и серебряново дела железные снасти займующи, и дорогою едуци сюды, исхарчился. И приехав мне, иноземцу, в свою землю от тех долгов оплатитца нечем. Милосердый государь... пожалуй, меня иноземца своим государским жалованьем на мои харчи и на убытки, чем тебе, милосердому государю Бог известит. А которые, государь, наша братья греченя приезжают к тебе государю за всякими делы, и ты, государь, их жалуешь, чтоб тем иноземцом, приехав в свою землю, в тех долгах вконец не погибнуть» [21, л. 75]. Теперь мастер сравнивал себя с просителями «милостыни».

Власти согласились оказать скромную помощь страдальцам за христианскую веру: «Государь... пожаловал гречан Олександра Дмитриева да Ондрея Офонасьева, велел им дать своего государева жалованья по 3 пары соболей человеку ценою в 2 рубли пара... для того, что по государеву указу тех гречан велено отпустить в Царьгород» [21, л. 71, 74; 15, л. 39–39 об.]. В Путивль к воеводе была направлена инструкция: «...и ты гречан Олександра Дмитриева и Ондрея Офонасьева и толмача Ивашка Юрьева и люди их отпусти зарубеж со всем в целе, и проводи их до рубежа с кем пригоже, да о том к нам отпиши» [21, л. 70].

На этом история пребывания греческого мастера на русской земле закончилась, но последовала незамедлительная реакция русских властей.

Несостоявшийся выезд Александра Дмитриева спровоцировал регламентацию правил миграции «греков». В момент приезда мастера и его спутников путивльский воевода Г.Г. Пушкин в своей отписке в Разрядный приказ указал на отсутствие каких-либо правовых норм в отношении греков: «А о грече-

нех и о волошанех о старцех, и о мирских людех о выходцех в тои твои государеве грамоте ничево не написано. И которые гречене старцы, или мирские люди, или волошане вперед учнут приезжать или приходить в Путивль на твое государево имя, и тех гречен и волошан принимати в Путивле? И о приезде их к тебе государю к Москве писать ли? или пропускать их ис Путивля к тебе государю к Москве без обсылки? И о том, государь, и о нынешних греченех мне, холопу твоему, как ты государь, укажешь» [21, л. 44–45].

Воевода Г.Г. Пушкин обозначил перед властями проблему. Его отписка была зачитана на заседании Боярской думы 27 декабря 1639 г. [21, л. 43 об.], где было вынесено решение. Обрадованные приездом столь опытного мастера власти готовы были отменить правило согласования. Теперь всех выходцев из Османской империи и ее вассальных государств предлагалось сразу направлять в столицу. В памяти из Разрядного приказа от 29 октября 1639 г. последовали разъяснения: «А которые греченя и волошаня и сербеня духовново чину и мирские люди приедут вперед в Путивль, и которые люди духовново чину скажут, что они приехали в наше Московское государство на вечное житье от изноненья папежен или от насилья бусурман, а мирские люди скажут, что они приехали в наше в Московское государство на вечную службу, и ты б тех всех отпускал к нам к Москве. А про збор турсково и крымсково и про их умышленье и о всяких вестях роспрашивал бы их подлинно. И за которыми вести будут большие, и ты б о тех всех писал к нам наскоро и наперед их отпускал» [21, л. 48].

Но завершение дела Александра Дмитриева повлекло возвращение к прежним нормам. Власти пересмотрели свою позицию, вновь ужесточив ее. Разрешение сразу пропускать всех иммигрантов сменилось на требование задержания на границе до получения предписаний из Москвы. Снова запрещалось отправлять иностранцев в столицу без царского согласия. Воевода Г.Г. Пушкин получил подробную инструкцию. Царский указ от 22 декабря 1639 г. гласил: «И будут в Путивль греченя и волошаня или турченя (приезжать. – Т. О.), и ты б тех по прежнему нашему указу о вестях роспрашивал, да тех же приезжих

людех роспрашивал для каких дел они в наше в Московское государство приехали. И будет которые скажутца, что они приехали на наше на царское имя на вечную службу, и ты б о тех о всех и о вестях писал к нам в Москву. А им велел быть в Путивле до нашего указа. А без нашего указа их к Москве не отпускал. А которые скажутца, что они приехали в наше Московское государство для торговли или для иных каких своих дел на время, и ты б им сказывал, что их ис Путивля к Москве отпускать не велено, и отпускал был еси их назад зарубеж со всем вцеле. А которые похотят быти в Путивле для торгового промыслу, и ты б тем велел побыть в Путивле для торгового промыслу не на великое время. И по тому ж их отпускал назад за рубеж со всем вцеле. Да о том о всем писал к нам в Розряди и в Посольской приказ» [21, л. 70–72].

Прецедент Дмитрия Александрова был усугублен историей следующего «греческого» иммигранта – Григория Алексева. Этот «греченин Болгарской земли» приехал в Севск. На расспросе выяснилось, что он уже бывал в России. Приняв русское подданство в Путивле, Григорий Алексеев остался в приграничном городе, вступив в услужение к властям Молчанского монастыря. Он женился на вдове, крепостной крестьянке обители, тем самым попав в зависимое сословие. Вероятно, иностранец захотел обрести свободу, для чего бежал в Речь Посполитую. Пробыв в Каменце-Подольском несколько месяцев, он решил вернуться в Россию. Григорий Алексеев надеялся быть неузнанным. Он рассчитывал вновь принять русское подданство, но уже как свободный человек. «Грек» укрылся в Путивльском уезде у сына боярского Ивана Стрельникова. Но иностранец был опознан, доставлен в Севск и выдан со всей своей семьей монастырской братии [21, л. 85–86].

Однако все эти истории кардинально не изменили политики русских властей по отношению к «греческим» иммигрантам. Даже приехавшие одновременно с Александром Дмитриевым мелкий купец Юрий Иванов и его племянник Степан благополучно достигли Москвы, где получили русское подданство [16, л. 59 об.]. Определенной гарантией лояльности этих иностранцев стало наличие в России родственника: «А пришил де он Юшка на го-

сударево имя для того, что де брат ево родной выезжий греченин Федор Иванов, живет на Москве шестой год» [21, л. 43, 53]. Вероятно, членом своей семьи, уже обустроившимся в России, они называли Федора Кречюнова [15, л. 103]. «Греки» были приняты, им были оформлены все необходимые документы о выезде, но были найдены церковные нарушения. Юрия Иванова и Степана вернули в православие вторым чином [16, л. 129 об.–130], после чего направили служить в Иноземский приказ.

В дальнейшем власти выдворяли лишь «изменников»: иностранцев, бежавших из России, а затем решивших вернуться обратно. Так, в 1648 г. пересек русскую границу «греченин» Николай Попазов со всей семьей. Он попытался укрыться в Путивльском уезде в поместье Ивана и Михаила Алтыновых, видимо, знакомых ему по прежней службе, но бдительные русские служилые люди доставили иностранца в Путивль к воеводе Ю.А. Долгорукому. Выяснилось, что год назад Михаил Попазов покинул Россию и нашел приют у Иеремии Вишневецкого в городе Красном. Вероятно, условия жизни в Речи Посполитой его не устроили, и «греченин» сделал попытку восстановить свое положение в России.

Причиной своего бегства из России Николай Попазов называл страх сибирской ссылки: «Изменил де он Миколайко государю в прошлом во 155-м году, ис Путивля за рубеж збежал, испужався, что уграживал де ему путивлец Тимофеи Литвинов, что быти де ему Миколайку сослану в Сибирь» [24, л. 147]; «...во 155-м году бежал он ис Путивля за рубеж, убояся, что уграживал ему путивлец Тимофеи Литвинов: быть де ему Миколайку сослану в Сибирь» [24, л. 149]. Какие поступки Николая Попазова могли быть наказаны отправкой в Сибирь, что совершил иностранец и почему путивлец Тимофей Литвинов рисовал ему столь мрачные перспективы пребывания в России, из текста документов остается неясным. Известно лишь, что «греченин» сознал, что совершил роковую ошибку и рассчитывал на прощение царя: «А ныне приехал в Путивль... милости у государя просить, и бити челом государю о своей вине и о измене, помня государево крестное целованье, принес к

государю вину свою» [24, л. 147]. Слова «греченина» подтверждали его супруга. Но для нарушителя присяги не было помилования. Власти не были намерены оставлять «изменника» в Московском государстве. На «греков» распространилась норма, выработанная в отношении выходцев из Речи Посполитой. Из Москвы последовали четкие указания воеводе: «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б Миколайка Попазова з женою и з детьми ис Путивля отпустил зарубеж со всеми иво животы. И вперед таких изменников не принимал. А которые и вперед из Литовские стороны учнут приезжать, и ты их роспрося про вести подлинно, отпускал назад в Литовскую сторону» [24, л. 149–150]. Исполнить царский приказ пришлось уже следующему воеводе, назначенному после Ю.А. Долгорукого. Воевода Н.Ю. Плещеев (Чермный) подтвердил готовность исполнять эти правила: «А будет и вперед такие изменники из Литовские стороны учнут приезжать в Путивль, и их роспрося про вести подлинно, велю я отпускать их назад в Литовскую сторону. А принимать их не велю» [24, л. 248].

Но случаев отказов в принятии подданства новым «греческим» иммигрантам более не зафиксировано. Сохранялось правило согласования с Разрядным или Посольским приказами о пропуске выходцев в столицу и запрет на въезд «изменников». Разрешение из Москвы осталось необходимым. Поток миграции эти правила не останавливали. К середине – концу 40-х гг. XVII в., когда у правительства стали вызревать планы церковно-обрядовой реформы, участие греков в русской жизни заметно усилилось, а казус Александра Дмитриева оказался уникальным в истории русско-греческих контактов первой половины XVII века.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ, международный проект КЕРИЕ, 12-21-14001.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Димитријевич, С. Грађа за српску историју из руских архива и библиотека / С. Димитријевич

// Споменик Српске Краљевске Академије. – 1922. – Т. 53 (45). – С. 53–63.

2. Забелин, И. Е. Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела / И. Е. Забелин // Записки имп. Археологического общества. – СПб. : Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1853. – 103 с.

3. Захарьина, Н. С. Материалы по истории светской эмиграции из Балкан в Россию в первой половине XVII в. в фондах Посольского приказа / Н. С. Захарьина // Связи России с народами Балканского полуострова. – М. : Наука, 1990. – С. 194–209.

4. Исторические связи СССР и Румынии : в 2 т. – М. : Наука, 1965. – Т. 1. – 367 с. ; Т. 2. – 451 с.

5. Каптерев, Н. Ф. Приезд в Москву за милостью сербских иерархов разных кафедр и настоятелей сербских монастырей в XVI, XVII и начале XVIII столетий / Н. Ф. Каптерев // Прибавление к Творениям Св. Отцов. – М. : Изд-во МДА, – Т. 2. – № 48 (1891). – С. 461–576.

6. Каптерев, Н. Ф. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI – XVII ст. / Н. Ф. Каптерев. – Сергиев Посад : Тип. Свято-Троицкая Сергиевой Лавры, 1914. – 580 с.

7. Лаптева, Т. А. Новые дворянские роды в России в XVII в. / Т. А. Лаптева // Памяти Лукичева : сб. ст. по истории и источниковедению. – М. : Древлехранилище, 2006. – С. 555–586.

8. Любименко, И. Труд иноземцев в Московском государстве / И. Любименко // Архив истории труда в России. – Пг. : Издательство Петроградского совета профсоюзов, 1923. – Кн. 6–7. – С. 52–74.

9. Малов, А. В. «Выход» и «выходцы» на завершающем этапе Смуты (1613–1619) : определение терминологических границ (по данным расходных книг Казенного приказа) / А. В. Малов // Смутное время: итоги и уроки : сб. материалов второй Всероссийской научной конференции (Иваново – Кохма – Шуя, 20–22 апреля 2012 г.) / отв. ред. А. Ю. Кабанов. – Иваново : Иваново, 2012. – С. 157–195.

10. Москва – Сербия. Белград – Россия: сб. док. и материалов. Т. 1 : Общественно-политические связи XVI–XVIII вв. / сост. С. Долгова, Е. Иванова [и др.]. – М. ; Белград : Изд-во Главархива Москвы и Архива Сербии, 2009. – 669 с.

11. Опарина, Т. А. Интеграция еврея в русское общество середины XVII в. (Толмач Посольского приказа Иван Селунский) / Т. А. Опарина // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга. – М. : Индрик, 2003. – С. 132–150.

12. Опарина, Т. А. Просопография греческих иммигрантов в России (первая половина XVII в.) / Т. А. Опарина // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития : XXVII международная науч. конф. к 85-летию Историко-архивного

института, к 75-летию кафедры вспомогательных исторических дисциплин (Москва, 9–11 апр. 2015 г.). – М. : Тип. РГГУ, 2015. – С. 53–55.

13. Орленко, С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение) / С. П. Орленко. – М. : Древлехранилище, 2004. – 344 с.

14. Павленко, А. А. Новые архивные материалы о греческих художниках в России XVII в. / А. А. Павленко // Филевские чтения. – М. : ЦМиАР : Тип. ПИК ВНИИТИ. – 2003. – Вып. 10. – С. 377–382.

15. Расходная книга Казенного приказа // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 290.

16. Расходная книга Казенного приказа // РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 295.

17. Селезнева, И. А. Золотая и серебряная палаты. Кремлевские дворцовые мастерские в XVII в. / И. А. Селезнева. – М. : Древлехранилище, 2001. – 256 с.

18. Скобелкин, О. В. Организация приема «выходцев на государево имя» в XVI – начале XVII века / О. В. Скобелкин // Западноевропейские специалисты в России XV–XVII веков. – М. : Древлехранилище, 2002. – С. 60–62.

19. Скобелкин, О. В. Служба иноземцев в Украинном Разряде в 20-х гг. XVII в. / О. В. Скобелкин // Иноземцы в России XV–XVII вв. : материалы междунар. конф. – М. : Древлехранилище, 2006. – С. 70–75.

20. Столбец Белгородского стола Разрядного приказа // РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Д. 82.

21. Столбец Белгородского стола Разрядного приказа // РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Д. 118.

22. Столбец Московского стола Разрядного приказа // РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 9. – Д. 75.

23. Столбец Приказного стола Разрядного приказа // РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 13. – Д. 105.

24. Столбец Приказного стола Разрядного приказа // РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 13. – Д. 567.

25. Троицкий, В. И. Организация золотого и серебряного дела в Москве XVII века / В. И. Троицкий // Исторические записки АН СССР. – Т. 12. – М. : Наука, 1941. – С. 53–60.

26. Успенский, А. И. Государев иконописец Апостол Юрьев / А. И. Успенский. – М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1901. – 26 с.

27. Флоря, Б. Н. Выходцы из балканских стран на русской службе (конец XVI – начало XVII в.) / Б. Н. Флоря // Балканские исследования. – М. : Наука, 1978. – Вып. 3. – С. 68–89.

28. Флоря, Б. Н. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV – начала XVI в. Политическая и культурная деятельность / Б. Н. Флоря // Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. – София : Болг. Академия наук, 1982. – 159 с.

29. Фонкич, Б. Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. / Б. Л. Фонкич. – М. : Индрик, 2003. – 459 с.

REFERENCES

1. Dimitrijevič S. Građa za srpsku istoriju iz ruskikh arkhiva i biblioteka. *Spomenik Srpske Kraljevske Akademije*, 1922, vol. 53 (45), pp. 53-63.
2. Zabelin I.E. Istoricheskoe obozrenie finiftnyanogo i tseninnogo dela [Historical Review of Enamelled Crafts]. *Zapiski imp. Arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Emperor Archaeological Society]. Saint Petersburg, The Printing House of the Expedition of Storing State Papers, 1853. 103 p.
3. Zakharyina N.S. Materialy po istorii svetskoy emigratsii iz Balkan v Rossiyu v pervoy polovine XVII v. v fondakh Posolskogo prikaza [Materials on the History of Secular Emigration From the Balkans to Russia in the First Half of the 17th Century in the Collections of the Diplomatic Department]. *Svyazi Rossii s narodami Balkanskogo poluostrova* [Russia's Ties With the Peoples of the Balkan Peninsula]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 194-209.
4. *Istoricheskie svyazi SSSR i Rumynii: v 2 t.* [The Historical Ties of the Soviet Union and Romania: in 2 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1965, vol. 1, 367 p.; vol. 2. 451 p.
5. Kapterev N.F. Priezd v Moskvu za milostynev serbskikh ierarkhov raznykh kafedr i nastoyateley serbskikh monastirey v XVI, XVII i nachale XVIII stoletiy [The Arrival of Serbian Hierarchs of the Different Departments and Abbots of the Serbian Monasteries to Moscow for Alms in the 16th, 17th and 18th Centuries]. *Pribavlenie k Tvoreniam Sv. Otsov* [The Addition to the Works of St. Fathers]. Moscow, MDA Publ., 1891, no. 48, pp. 461-576.
6. Kapterev N.F. *Kharakter otnosheniy Rossii k Pravoslavnomu Vostoku v XVI-XVII vv.* [The Attitude of Russia to the Orthodox East in the 16th-17th Centuries]. Sergiev Posad, Saint Trinity Sergiev's Lavra Publ., 1914. 580 p.
7. Lapteva T.A. Novye dvoryanskie rody v Rossii v XVII v. [New Noble Families in Russia in the 17th Century]. *Pamyati Lukicheva. Sbornik statey po istorii i istochnikovedeniyu* [In Memory of Lukichev. A Book of Articles on History and Source Studies]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2006, pp. 555-586.
8. Lyubimenko I. Trud inozemtsev v Moskovskom gosudarstve [The Job of Foreigners in the Moscow State]. *Arkhiv istorii truda v Rossii* [Archive of History of Labour in Russia]. Saint Peterburg, Petrograd Council of Trade Unions Publ., 1923, books 6-7, pp. 52-74.
9. Malov A.V. “Vykhod” i “vykhodtsy” na zavershayushchem etape Smuty (1613–1619): opredelenie terminologicheskikh granits (po dannym raskhodnykh knig Kazennogo prikaza) [“Outcome” and “Descendants” at the Final Stages of the Time of Troubles (1613-1619): Determining Terminological Borders (According to the Books of Treasury Department)]. Kabanov A. Yu., ed. *Smutnoe vremya: itogi i uroki: Sb. materialov vtoroy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Ivanovo – Kokhma – Shuya, 20-22 aprelya, 2012)* [Time of Troubles: Results and Lessons. Collected Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific Conference (Ivanovo – Kokhma – Shuya, 20-22 April, 2012)]. Ivanovo, Ivanovo Publ., 2012, pp. 157-195.
10. Dolgova S., Ivanova E. et al., eds. *Moskva – Serbiya. Belgrad – Rossiya: sbornik dokumentov i materialov. T. 1: Obshchestvenno-politicheskie svyazi XVI-XVIII vv.* [Moscow - Serbia. Belgrade - Russia: Collected Documents and Materials. Vol. 1: Social and Political Contacts of the 16th-18th Centuries]. Moscow; Belgrade, Izd-vo Glavarkhiva Moskvy i Arkhiva Serbii, 2009. 669 p.
11. Oparina T.A. Integratsiya evreya v russkoe obshchestvo serediny XVII v. (Tolmach Posolskogo prikaza Ivan Selunskiy) [The Integration of a Jew into Russian Society in the mid 17th Century (Ivan Selunsky – Interpreter of Diplomatic Department)]. *Svoy ili chuzhoy? Evrei i slavyane glazami drug druga* [In- or Outsider? The Jews and the Slavs Through the Eyes of Each Other]. Moscow, Indrik Publ., 2003, pp. 132-150.
12. Oparina T.A. Prosopografiya grecheskikh immigrantov v Rossii (pervaya polovina XVII v.) [Prosopography of Greek Immigrants in Russia (First Half of the 17th Century)]. *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny i istochnikovedenie: sovremennye issledovaniya i perspektivy razvitiya. XXVII mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. K 85-letiyu Istoriko-arkhivnogo instituta. K 75-letiyu kafedry vspomogatelnykh istoricheskikh distsiplin. Moskva, 9–11 aprelya 2015 g.* [Secondary Historical Disciplines and Source Studies: Current Research and Prospects for Development. 27th International Scientific Conference Devoted to the 85 Anniversary of Historical Archive Institute and to the 75 Anniversary of Secondary Historical Disciplines (Moscow, April 9-11, 2015)]. Moscow, Tip. RGGU, 2015, pp. 53-55.
13. Orlenko S.P. *Vykhodtsy iz Zapadnoy Evropy v Rossii XVII v. (Pravovoy status i realnoe polozhenie)* [The Immigrants From Western Europe to Russia of the 17th Century (Legal Status and Actual Condition)]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2004. 344 p.
14. Pavlenko A.A. Novye arkhivnye materialy o grecheskikh khudozhnikakh v Rossii XVII v. [New Archival Materials About Greek Painters in Russia in

the 17th Century]. *Filevskie chteniya. Vyp. 10* [Filev's Readings. Iss. 10]. Moscow, PIK VINITI Publ., 2003, pp. 377-382.

15. Raskhodnaya kniga Kazennogo prikaza [Documents of the Department of State Treasury]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 396, Op. 2, D. 290.

16. Raskhodnaya kniga Kazennogo prikaza [Documents of the Department of State Treasury]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov*, F. 396, Op. 2, D. 295.

17. Selezneva I.A. *Zolotaya i serebryanaya palaty. Kremlevskie dvortsovye masterskie v XVII v.* [Tsar's Gold and Silver Chambers. Kremlin Palace Workshops in the 17th Century]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2001. 256 p.

18. Skobelkin O.V. Organizatsiya priema "vykhodtsev na gosudarevo imya" v XVI – nachale XVII veka [The Organization of Reception of Immigrants on the "Sovereign's Name" in the 16th – early 17th Centuries]. *Zapadnoevropeyskie spetsialisty v Rossii XV–XVII vekov* [Western Specialists in Russia in the 15th-17th Centuries]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2002, pp. 60-62.

19. Skobelkin O.V. Sluzhba inozemtsev v Ukrainnom Razryade v 20-kh gg. XVII v. [Service of Foreigners in Ukrainian Division in the 1920s]. *Inozemtsy v Rossii XV – XVII vv. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Foreigners in Russia in the 15th-17th Centuries. Proceedings of the International Conference]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2006, pp. 70-75.

20. Stolbets Belgorodskogo stola Razryadnogo prikaza [Column of Belgorod Table of Discharge Order]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 210, Op. 12, D. 82.

21. Stolbets Belgorodskogo stola Razryadnogo prikaza [Column of Belgorod Table of Discharge Order]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 210, Op. 12, D. 118.

22. Stolbets Moskovskogo stola Razryadnogo prikaza [Column of Moscow Table of Discharge Order]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 210, Op. 9, D. 75.

23. Stolbets Prikaznogo stola Razryadnogo prikaza [Column of Order Table of Discharge Order]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 210, Op. 13, D. 105.

24. Stolbets Prikaznogo stola Razryadnogo prikaza [Column of Order Table of Discharge Order]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 210, Op. 13, D. 567.

25. Troitskiy V.I. Organizatsiya zolotogo i serebryanogo dela v Moskve XVII veka [The Organization of the Gold and Silver Crafts in Moscow in the 17th Century]. *Istoricheskie zapiski AN SSSR. T. 12* [Historical Notes of Academy of Sciences of the USSR. Vol. 12]. Moscow, Nauka Publ., 1941, pp. 53-60.

26. Uspenskiy I.A. *Gosudarev ikonopisets Apostol Yuryev* [The Tsar's Icon's Master Apostle Uryev]. Moscow, A.I. Mamontova Publ., 1901. 26 p.

27. Florya B.N. Vyhodtsy iz balkanskikh stran na russkoy sluzhbe (konets XVI – nachalo XVII v.) [Immigrants from Balkan Countries in the Russian Service (the End of the 16th – Beginning of the 17th Century)]. *Balkanskije issledovaniya* [Balkan Studies]. Moscow, Nauka, 1978, iss. 3, pp. 68-89.

28. Florya B.N. Greki-emigranty v Russkom gosudarstve vtoroy poloviny XV – nachala XVI v. Politicheskaya i kulturnaya deyatel'nost' [The Greeks-Immigrants in the Russian State in the Second Half of the 15th – Beginning of the 16th Centuries. The Political and Cultural Activities]. *Russko-balkanskije kulturnye svyazi v epokhu srednevekovya* [The Russian-Balkan Cultural Contacts in the Medieval Era]. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences, 1982. 159 p.

29. Fonkich B.L. *Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV – nachale XVIII v.* [Greek Manuscripts and Documents in Russia in the 14th – early 18th Centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 459 p.

Information About the Author

Tatyana A. Oparina, Candidate of Sciences (History), Professor, Department of General History of Arts, Dean of Faculty of Fine Arts, Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, Myasnitskaya St., 21, 101000 Moscow, Russian Federation, t-a-opart@yandex.ru.

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Опарина, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории искусств, декан факультета искусствоведения, Российская академия живописи, ваяния и зодчества, ул. Мясницкая, 21, 101000 г. Москва, Российская Федерация, t-a-opart@yandex.ru.